

СУРЕН БАГДАСАРЯН

РОЛЬ АРМИИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТУРЦИИ В 1960—1990—Х ГОДАХ.

В настоящее время весь мир в той или иной степени испытывает влияние процесса модернизации. В 1960—е годы возникла теория модернизации, связанная с проблемами взаимоотношений стран Запада с новосозданными развивающимися государствами. Именно в это время в историографии и политологии вводится в оборот термин “модернизация”, вытесняющий существовавшие ранее термины “европеизация” и “вестернизация”. Термин “модернизация” отражает тенденцию поиска новых путей и моделей развития новых государств. Согласно мнению специалистов, модернизация — это глобальный закономерный процесс, который развивается, однако, неравномерно во временных и пространственных рамках¹.

Турция, как известно является одной из первых стран ближневосточного региона, пережившей и переживающей процесс модернизации. В то же время, было бы неверным оценивать процесс турецкой модернизации только с точки зрения доминирующего сегодня в науке и политике так называемого “западного” подхода, когда события и явления в странах, принадлежащих к ареалам Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока оцениваются и комментируются с позиций западной политической и научной традиции. С этой точки зрения, конкретные причины, влияющие на характер модернизационного процесса в политической и общественной жизни страны, зависят от характера политической системы и политической культуры, сложившейся в обществе. Для Турции в этом контексте в течение последних десятилетий доминирующим был фактор армии в процессе модернизации.

Известно, что армия в истории Турецкой Республики являлась одним из главных факторов политической жизни страны. Господство военных в общественно—политической жизни Турции имеет долгую и сильную традицию, связанная как с характером Османской империи, так и характером процесса рождения и становления Турецкой Республики. Исторически для Турции режим стратократии² является

традиционным. Следует учитывать то обстоятельство, что в политической традиции и культуре Турции особое место придается военной славе турецкого государства, существует даже культ военных побед и национальных героев во главе с основателем Турецкой Республики Кемалем Ататюрком.

Вмешательство армии в политическую жизнь всегда аргументировалось и аргументируется ее миссией защитницы национальных интересов и наследия Ататюрка. Другим важным аспектом влияния армии на политическое развитие Турции является традиция, начало которой было положено еще в период реформ Танзимата и закреплена Ататюрком, которая рассматривает армию как инструмент инновационно-прогрессивной модернизации. Турецкая модернизация традиционно проводилась под покровительством армии: "Военные были, — отмечает американский исследователь Турции Д. Растоу, — основным фактором модернизации Турции"³.

По нашему мнению, нельзя не согласиться также с определением американского политолога С. Хантингтона, что "в модернизирующихся государствах военные являются наиболее организованным институтом в стране и благодаря этому армия находится на более благоприятной позиции для выражения национальной воли, чем партии и группы интересов"⁴. По традиции образ современности в Турции ассоциируется больше с образом военного, офицера. В отличие от других ближневосточных государств, в Турции существовала и существует вестернизированная военная элита, которая обучалась в светских военных училищах и западных военных академиях. И эта элита взялась за исполнение двух миссий: 1) охрана внешних границ Республики и ее национального суверенитета, и 2) стимулирование политической, социальной и экономической модернизации страны.

После Кемаля Ататюрка больше никто не осмеливался открыто выступать за ограничение этой роли. Более того, армия стала хранителем основ и принципов основанного Ататюрком государства. Военные постоянно дают почувствовать свою силу в моменты глубоких политических кризисов и вмешиваются в ход событий, когда, по их оценке, возникает угроза государственному строю, как, например, сепаратизм или религиозный экстремизм. На плечи военных была возложена миссия хранителей Республики, которые выступают как спасительная сила, когда она оказывается перед явной опасностью, после чего они возвращаются в свои казармы. Как пишет армянский исследователь турецкой армии М. Мелконян, "армия выступает как важнейший общественно-политический фактор и держит в своих руках достаточно рычагов воздействия на политическую

жизнь страны"⁵. Особое место этого фактора обусловлено тем, что армия служит каналом для социальной интеграции, является системой многоступенчатой подготовки и селекции офицерских кадров, т. е. институтом элиты, проходящей здесь, кроме военного обучения, также школу овладения современной техникой, управления и патриотизма. Офицерский корпус стал главной опорой Республики.

Следует отметить, что как в османскую эпоху, так и в кемалистский период в Турции доминировал тип военно-бюрократического государства. Сегодняшняя же Турция уже вышла из рамок кемалистской парадигмы развития, хотя кемалистская концепция остается важной составляющей турецкой общественно-политической жизни, но она уже недостаточный фактор для обеспечения дальнейшего внутреннего развития и лидирующего места в системе международных отношений. Посему для современной Турции в течение последних десятилетий был актуален один вопрос — вопрос основ существования и развития турецкого государства и общества, вопрос, вставший еще в период распада Османской империи — "*Bu devlet nasıl kurtulabilir?*" ("*Как спасти это государство?*"), который и сегодня актуален для Турции в смысле осуществления долгосрочного процесса модернизации. И модернизация в период 1960—1990-х годов должна была наполнить содержанием идеи демократического и правового государства. Но они так и остались формой. Следует признать, что незавершенность процесса модернизации и лежит в основе внутренних кризисов в стране.

В турецкой интеллектуальной элите существует точка зрения⁶, что Республика в своем нынешнем виде, когда, с одной стороны, провозглашены принципы демократического, правового государства, а, с другой стороны, это государство имеет явно не демократические черты и сама правящая элита не следует самым простым правилам игры, свойственным демократическому и правовому государству, выгодна прежде всего именно военным.

Разрыв же между действительностью и устремлениями общества растет все больше. Вместе с реформами, осуществленными Атаюрком, в Республике параллельно шел процесс наложения определенных табу, относящихся к толкованию ее определенных основополагающих принципов и догм, как, например, запрет на тезис существования в стране этно-культурного плюрализма и выдвигание постулата о том, что каждый житель Турции — турок, или ислам и исламская культура должны рассматриваться как опасные для страны и общества явления, или же, что в Турции не осуществлялись этнические чистки, и, наконец, военные должны рассматриваться как хранители этих запретов, и их роль в государственной и об-

щественной жизни какому-либо обсуждению и пересмотру не подлежит. Когда же в 1960-х годах развернулось мощное левое движение, подчеркивавшее классовый характер турецкого общества, а за ними в 1970-х и 1980-х подняли свои проблемы исламисты и курды, то военные отвечали усилением своего диктата на общественно-политическую жизнь страны.

Осуществив в мае 1960 г. первый военный переворот в истории Республики, военные спустя год ушли, приняв Конституцию, которая устанавливала парламентскую демократию с системой "сдержек и противовесов". Они по сути не только восстановили свои позиции, которые были ослаблены после смерти Ататюрка и поражения в 1950 г. на первых демократических выборах в Турции кемалисткой Народно-Республиканской партии, но и поставили страну на тот путь развития, который более всего соответствовал мировым тенденциям в начале 1960-х: индустриализация общества, технократизация политической власти, отказ от популизма, экономическая автономия.

Однако процесс модернизации в 1960–1970-х годах так и не стал последовательным. Как отмечает турецкий социолог левого толка Чаглар Кейдер, "основы гражданского общества были задушены в зародыше, и вновь государственная власть стала угрожать тем, чтобы стать всемогущей и всеохватывающей"⁷.

Так, в марте 1971 г. начальник Генерального штаба генерал Тагмач выступил в Высшем Военном Совете, заявив, что "существующий в стране строй — детище турецких Вооруженных Сил. Сохранение этого строя и обеспечение будущего демократического режима является нашей первоочередной задачей..."⁸. После этого военное руководство представило меморандум, который не был прямым актом вмешательства. В меморандуме содержалась предупреждение о том, что правительство неспособно противостоять терроризму и проявлениям экстремизма. Военные вынудили премьер-министра С Демиреля уйти в отставку, и кабинет в течение двух лет контролировался генералитетом. Тем самым вмешательство военных послужило цели пресечения попыток расширения общественной жизни в стране, когда левые и правые партии попытались заручиться массовой поддержкой своих политических и экономических программ, используя демократические методы (массовые собрания и митинги, пресса). А конец 1970-х стал периодом проявлений террора и политического экстремизма, когда ультралевые и ультраправые вооруженные группировки развернули настоящие уличные бои в городах страны.

По сути, социально—политическая модернизация страны, инициированная в начале 1960—х годов, получившая формы движения за гражданские права и расширение демократии, урбанизации, маркетизации экономики страны, привела в конце 1970—х к общественно—политической фрустрации, которая вылилась в вооруженные столкновения. Она столкнулась с препятствием в виде недееспособности политических сил, их неадекватности сложившимся потребностям страны и, как следствие, ослаблением государственной власти, альтернативой которому стали ультранационалистическое движение, которое в условиях гангстерских разборок претендовало на то, чтобы выступить как “спасительная сила” нации, защитник “национального величия”, стремившаяся продемонстрировать несостоятельность современной парламентской демократии и появиться на сцене как единственная сила, способная установить порядок в стране.

В результате, когда религиозные и политические столкновения на улицах достигли своего пика, а меджлис страны не мог в течение нескольких месяцев избрать очередного президента, военные посчитали своим долгом вмешаться и 12 сентября 1980 г. осуществили второй военный переворот в истории Республики, после чего власть на три года перешла к Совету национальной безопасности.

Военный режим довольно быстро справился с задачей подавления радикалов и запретил заниматься политической деятельностью прежним политическим деятелям. Пропаганда же режима была направлена на то, чтобы укоренить в обществе идею о том, что прежние политические, экономические и законодательные институты и мероприятия повинны в создавшемся кризисе, поставив этим на повестку дня вмешательство военных. А это в свою очередь выдвигало необходимость не восстановления прежней, а строительства новой государственной и политической систем. “Политические дела были оставлены военным, чья программа ссылалась на формулу кемалистской эпохи — “солидарной нации”, и намеревалась искоренить анархию и терроризм”⁹. Эта формула послужила основой для осуждения демократической практики 1970—х годов и оправдания установленной Конституцией 1982 г. режима ограниченной демократии, опиравшегося на понятия иерархии, порядка, стабильности и национального блага. Военный режим СНБ сразу же дал понять, что возвращения к демократии образца 1960—1970—х не будет. Военные поставили перед собой цель создать “новую Турцию”¹⁰. Фактически военные лидеры Турции взяли на себя задачу формирования политических институтов в Турции. Тем самым, осуществляя перевороты, армия вынуждена была выполнять “корректирующую акцию”: сменя-

лась политическая система, со сцены выводились прежние политические фигуры и приводились новые, после чего армия "возвращалась в казармы" и оттуда внимательно следила за тем, чтобы эти фигуры "вели себя правильно" и соблюдали установленные военными правила игры. То есть, политическая реконструкция осуществлялась в той степени, в которой это было необходимо для бесперебойной и эффективной деятельности политического механизма.

Политическая система сегодняшней Турции до сих пор носит глубокий отпечаток военного переворота 12 сентября 1980 года. Если после переворота 27 мая 1960 г. военные укрепили политическую систему и инициировали процесс политической модернизации, то после переворота 12 сентября 1980 г. армия взяла политическую систему и общественно-политическую жизнь под свой строгий контроль. Конституция 1982 г. была принята под непосредственным давлением военного режима, содержа значительные ограничения демократических свобод. В Турции есть свободные выборы, многопартийная система, парламент, пресса, но реальная власть в этой стране не находится под демократическим контролем. Военные оправдывали и оправдывают свое вмешательство в политическую жизнь мотивами пресечения политического и религиозного экстремизма. Так, в июне 1997 г. генералитет предъявил ультиматум премьер-министру страны, лидеру исламистской партии *"Рефах"* (*"Благоденствие"*) Неджметтину Эрбакану, требуя прекратить проведение, по их мнению, "происламской" политики и вынудил его этим уйти в отставку, что было похоже на "тихий" военный переворот.

Таким образом, со второй половины 1980-х годов в стране действует такая модель власти военных, которая состоит в том, что даже ограниченного действия со стороны командования Вооруженных Сил в виде направленных политическим властям угрозы или предупреждения бывает достаточно для сохранения ситуации под контролем армии.

Жизнедеятельность турецкого общества в течение последних 40 лет регламентируется турецкой военной элитой, чья система ценностей и модель поведения во многом отлична от системы ценностей и модели поведения масс. Именно это противоречие стало основным препятствием на пути процесса модернизации Турции. Многие граждане Республики вынуждены следовать навязанным сверху взглядам и нормам политического поведения. Другим последствием установления доминанты генералитета в Турции стало отчуждение политических сил от их роли в обществе и функций, поскольку они, придя к власти парламентским путем, не получают ее реальных рычагов и, следовательно, не несут ответственности за

принимаемые политические решения. По сути, главные проблемы страны находятся вне поля влияния политического истеблишмента Республики, будучи переданными в ведение военных. Более того, как в Турции, так и за ее пределами существует мнение, что верхушка Вооруженных Сил Турции — Генеральный штаб — вместе с подчиненной ей Национальной разведывательной организацией (MIT) составляют так называемое "тайное государство" ("Derin Devlet"), являясь институтами, обладающими реальной властью в стране. для которых парламент и правительство служат лишь прикрытием¹¹. Генеральный штаб выступает как наиболее информированный и оперативный орган власти в стране и определяет векторы внутренней и внешней политики Турции, решающим образом воздействуя на принятие политических решений.

Конституция 1982 г. законодательно закрепила роль армии в государстве: ни один орган гражданской власти не осуществляет и не может осуществлять какой-либо контроль над военными¹². По сути, в Турции в отношении армии не действует механизм контроля демократического государства, где командный состав армии ответственен перед министром обороны. Здесь начальник Генерального штаба ВС Турции и все высокопоставленные командиры назначаются решениями не правительства, а, по сути, внутренней иерархии самой армии.

Как отмечает немецкий турколог Уве Штайнбах, военные считают себя продолжателями курса Ататюрка в деле "воспитания" народа, теми, кто указывает народу путь развития, обеспечивая при этом стабильность¹³. Таким образом, армия является той институциональной силой, которая гарантирует управляемость политических процессов в стране, будучи способной быстро решать поставленные перед ней задачи: навести порядок в общественной и политической жизни, нейтрализовать радикальные политические силы и течения, осуществить реструктуризацию государства на всех уровнях. Не случаен тот факт, что и Первая, и Вторая, и Третья республики были основаны военными лидерами. Хотя эти лидеры — Ататюрк, Гюрсел, Эврен, трансформировали свою власть в гражданские формы, но на деле фактического разделения военной и политической сфер так и не произошло.

Модернизация в Турции действительно далека от своего завершения. Кроме проблем в области снятия вышеуказанных запретов, положения с демократическими свободами, признания прав национальных меньшинств, есть также проблема преобразования главного органа политического влияния военных — Совета Национальной Безопасности. СНБ является тем высшим военно-полити-

ческим органом Турции, который решает все важнейшие проблемы внутри-, внешнеполитической и военной сфер государственной политики¹⁴. Его решения и рекомендации лишь формально обсуждаются в правительстве и принимаются к исполнению в первоочередном порядке. В рамках СНБ военной элитой принимаются решения по важнейшим вопросам, которые, согласно Конституции Республики, относятся к ведению верховной политической власти — Великого Национального Собрания Турции и его правительства. Имея в своих руках такой мощный рычаг, как СНБ, турецкий генералитет пользуется полной политической автономией. Кроме того, благодаря последовательным и длительным усилиям военной элиты турецкому обществу была инъенктирована идея о том, что только военное руководство Турции может заниматься “сложной и ответственной задачей” решения проблем национальной безопасности, а вмешательство гражданских лиц и органов лишь усложняет эти решения. Военная элита сосредоточила в своих руках теоретическую разработку всех проблем, касающихся обеспечения внутренней и внешней безопасности страны, и их практическое осуществление. Под контролем генералитета органы планирования и кризисного регулирования при СНБ, которые выходили на первый план во время Войны в Заливе и после террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. и развертывания “войны против терроризма” в регионе.

Нельзя не отметить, что армия, последовательно усиливая свои мощь и позиции, неся на себе миссию “модернизатора” страны, стала сегодня для Турции в какой-то степени тормозом на пути политических, социальных и экономических реформ. Заместитель начальника Генштаба ВС Турции, генерал Чорекчи в июне 1995 г. прямо заявил, что “демократия и права человека мешают нашей деятельности, ограничивая борьбу с терроризмом, чего не должно быть”¹⁵. Как полагает, в свою очередь, турецкий публицист Дженгиз Чандар, наследие Ататюрка в руках кемалисткой военно-бюрократической элиты, контролирующей власть после его смерти, превратились в закостеневшую ортодоксию, которая стала перпятствием для дальнейшего демократического и экономического развития Турции в современном меняющемся мире¹⁶. Чандар также считает, что политика последователей Ататюрка, в особенности военных, трансформировала образ Ататюрка в неприкосновенную национальную икону, а кемализм — в негибкую догму. Тогда как усилия политического руководства страны должны быть сосредоточены на примирении главных противоречий, а его приоритетом стать завершение модернизации, т. е. превращение Турции в демократическую, европейскую, секулярную и мусульманскую страну¹⁷.

Таким образом, можно заключить, что армия в Турции не является частью государства, она идентична государству. Среди военной элиты сегодня нет однозначного видения приоритетов развития Турции. Одна точка зрения считает, что турецкий народ достаточно созрел для того, чтобы справиться с демократическими процессами, и во вмешательстве военных в политическую жизнь нет особой нужды, только в том случае, когда государство оказывается перед явной угрозой. Другая точка зрения полагает, что только динамичное и авторитарное руководство может обеспечить социальную справедливость, массовое образование и экономическое развитие, а поскольку политики не в состоянии гарантировать этого, то это руководство должны осуществлять военные. Иными словами, перефразируя Клемансо, генералы считают, что управление государством слишком важное дело, чтобы оставлять его политикам. И не будет преувеличением сказать, что единство государства в Турции без военных окажется под серьезной угрозой. В то же время Турция стоит на перекрестке, где ей предстоит сделать трудный выбор своей современной идентичности и пути развития в XXI веке. В этом плане военное руководство Турции должно адекватно ответить на вызовы глобального, модернизирующегося мира в общей евразийской геополитической и геостратегической системе, напряженность в которой особенно возросла с началом нового столетия.

SUREN BAGHDASARYAN

THE ROLE OF ARMY IN TURKEY'S MODERNIZATION IN 1960-1990S

At present time the whole world feels in either case the influence of modernization process. Still in 1960s there was created the theory of modernization, which was connected with the issues of the relationship between the developed countries of the West and the new-independent developing states. Just at that time in history and political science it has putted in operation a term "modernization", which reflects a tend of searching of new ways and models of development by the modern states.

Turkey is one of the first states in the Middle Eastern region, which went and continues go through this process. On our opinion, the concrete causes, which effect on the nature of the modernization process in the political and social life of any country, depend on the nature of the political system and the established in the given society political culture. For Turkey in this context during the last decades there was prevailing the factor of the army in modernization process.

It is a common knowledge, that the army was one of the head factors in the history of the Turkish Republic. The army performs as most important social-political factor and keeps in its hands the sufficient levers of influence on the political life of

the country. The dominance of the military in the social-political life of Turkey ("*stratocracy*" regime) has a long and strong tradition, which is connected both with the characteristics of the Ottoman empire, and the nature of the Turkish Republic establishment. This tradition considers the army as a modernization's tool and carrier. Moreover, founder of the modern Turkey Kemal Atatürk charged the army with the role of "driving force" of the country's modernization. That's why the intervention of the army into the political life is always motivated by its mission of the guardian of national interests and Atatürk's legacy. The military elite constantly gives to feel its strength at the moments of deep political crises and meddles with the course of events, when, on its evaluation, it emerges the danger for state order, as, for example, separatism or religious extremism.

In modernizing states the military is most organized institution and due to it the army stand on more profitable position for the expression of national will, than parties and interests groups. The special place of the military in Turkey is conditioned also by the use of the army as a channel for social integration, an institution for elite education, which possesses the modern technique and administration means and rules, and has real feeling of patriotism.

Both in the Ottoman epoch, and in the Kemalist period in Turkey it was dominated the type of the military-bureaucratic state. But today's Turkey already went out of the frameworks of the Kemalist development paradigm, which has become an insufficient factor to maintain the further internal development and the prevailing positions in the modern international system.

The modernization of 1960-1990s was called to fill the Turkish state and political system by new content of the ideas of democratic and lawful state, which, however, remained form. In the Turkish intellectual elite there is an opinion that such a Republic, where, by one side, there are proclaimed the principles of democracy and civic society, and, by another side, this state has evidently no democratic features, and the ruling elite itself does not follow the democracy "game rules", is profitable first of all for the military. In parallel with the Kemalist reforms in 1920-1930s it went also a process of "tabooization", concerning certain fundamental tenets and principles, as, for example, the rejection of the existence of cultural and ethnic diversity in the country, the breaking with the Islamic legacy. And just the military is considered as guardian of these taboos, and its role in the state and the society life was not subjected to any discussion and revision. Every attempt to extend modernization frameworks and conditions in 1960-1990s faced to the military's strict answer by the intervention into the political life. Thus the process of modernization in 1960-1970s was not successive. Moreover, the modernization, which had the forms of movement for civil rights, democracy enlargement, urbanization, and marketization of economics, brought in the fall of 1970s to a social-political frustration and to the expressions of the extremism and political terrorism, when ultra-left and ultra-right groupings arranged the true street fights in the country's towns. The disability of the political forces, their irrelevance to the needs of the country and, as a consequence, the weakening of state power promoted to new appearance of the only effective force in the country on the political stage - the army. When the military and religious clashes on the streets became daily events, and Meclis was not able to elect the new President

of the Republic, the Armed Forces considered their duty to intervene and fulfilled second military revolution in September 1980, after that they have held the power three years.

The military regime quickly coped with the task of the quashing of extremists, as well as prohibited the political activity of the former political actors, having implanted in the social consciousness an idea that the previous political and economic institutions and arrangements were cause of the crisis, and this engendered the necessary of the establishment of new state and political system. Basing on the formula of the Kemalist epoch – “solidarity of nation”, the military power convicted the former parliamentarian regime and established by the Constitution of 1982 the regime of limited or tutelary democracy, where there were free elections, multiparty system, parliament, press, but the real power was not under civil democratic control.

Thus, since the 2-nd half of 1980s in Turkey acted such a model of power, where even the limited actions of the Armed Forces commanders corps in the form of the directed to political authorities threats or warnings is enough to keep the situation under the army's control. Fulfilling coups the army was forced to perform “correcting action”: to change the political system, to put out of the stage the former political figures and to bring the new ones, after that the army came back in the barracks and watched carefully from there that these figures “behave themselves correctly” and keep the military's game rules.

This allows to say that the activity of the Turkish society during last 40 years was regulated by the Turkish military elite, whose system of values and behavior model are mostly different from the system of values and the behavior model of the masses. Simultaneously, permanently strengthening its might and positions, carrying the mission of the country's “modernizator”, today the army has become for Turkey in some degree a hamper on the way of political, social and economic reforms.

One can conclude that the army in Turkey is not part of the state, it is identical to state. And without the military control the unity and the stability of the Turkish state would find itself under serious threat. At the same time Turkey is on the crossroad, where it must choose its modern identity and way of development in XXI century. In this context the military elite of Turkey must adequately orient on the role of the country in the regional and common Eurasian geopolitical system, in which the tension is especially risen with the beginning of the new millenium, and the processes of modernization are accelerated.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О проблеме модернизации и, в частности, ее ходе в Турции подробнее смотри С. Багдасарян, К вопросу об особенностях политической модернизации в Турецкой Республике (1920–1930-е годы). — *Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ*, հ. XIX, Երևան, 2000, և Ս. Բաղդասարյան, *Թուրքիայի քաղաքական համակարգը 1920–1930-ական թթ.*, Երևան, 2001:
2. *Стратократия* (“власть военных”) — термин, обозначающий военный режим.

3. D. Rustow, *The Turkish Military*, in R. Ward and D. A. Rustow (eds.). *Political Modernization in Japan and Turkey*, Princeton, 1964, p. 35.
4. S. Huntington. *Political Order in Changing Societies*. New-Haven-London, 1968, p. 85.
5. Մ. Մելքոնյան. Ձիմնորականության դերը Թուրքիայի քաղաքական կյանքում. – Ձիմվոր, 10–20. 05. 1993:
6. Его выражают находящиеся на Западе турецкие историки, социологи и публицисты, как, например, Танер Акчам, Чаглар Кейдер, Орхан Памук.
7. Ç. Keyder, *State and Ideology in the Middle East and Pakistan*, London, 1988, p. 201.
8. *Milliyet*, 11. 03. 1971.
9. Ç. Keyder, *State and Class in Turkey*, London-New-York, 1987, p. 224.
10. Informationen zur politischen Bildung, Türkei, • 223, 1989, S. 19.
11. Эта точка зрения подробно изложена в исследованиях турецких авторов С. Парла и Т. Озкана. См. S. Parla. *Osmanlı'dan Günümüze Kadar Gizli Devlet*. Istanbul, 1997; T. Özkan. *Bir Gizli Servisin Tarihi*. Istanbul, 1999.
12. Մ. Մելքոնյան. Ձիմնորականության դերը Թուրքիայի քաղաքական կյանքում. Ձիմվոր, 10–20. 05. 1993:
13. Informationen zur politischen Bildung. Türkei, • 223, 1989, S. 20.
14. Согласно статье 118 Конституции, в состав СНБ входят, кроме президента Республики, премьер-министр, начальник генерального штаба Вооруженных Сил Турции, командующие сухопутными, военно-морскими, военно-воздушными и бронетанковыми войсками ВС, министры иностранных дел, внутренних дел и национальной обороны. Сфера деятельности СНБ весьма широка, распространяясь на все области общественно-политической жизни Турции — от утверждения программ в сфере начального образования до утверждения праздничных мероприятий. По сути, из девяти постоянных членов в Совете доминируют пять военных, представляющих высшее военное командование, которое навязывает свою волю политическому руководству страны.
15. *Milliyet*, 1. 07. 1995.
16. С. Çandar. *Atatürk's Ambiguous Legacy*. – *The Wilson Quarterly*, Autumn 2000, vol. 24, • 4, p. 89.
17. *Ibid.*, p. 89.